

Т.И. ОЙЗЕРМАН

Основные
ЧЕРТЫ
СОВРЕМЕННОЙ
БУРЖУАЗНОЙ
ФИЛОСОФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЗНАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

1960
СЕРИЯ II

8

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Доктор философских наук, профессор
Т. И. ОЙЗЕРМАН

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ
СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ
ФИЛОСОФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва

1960

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Иrrационализм современной буржуазной философии	6
Фидеизм современной буржуазной философии	19
Псевдонаучность современной буржуазной философии	30
Литература	47

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство «Знание» Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний просит присыпать отзывы об этой брошюре по адресу: Москва, Новая пл., д. 3/4.

Автор
Теодор Ильич Ойзерман

Редактор В. В. Колбановский
Техн. редактор Е. В. Савченко
Корректор Ф. Е. Нусбаум
Обложка художника А. Г. Ординарцева

А 04453. Подписано к печати 11/IV 1960 г. Тираж 1-го завода 38.500 экз.
Изд. № 82. Бумага 60×92¹/₁₆—1,5 бум. л.=3,0 печ. л. Учетно-изд. 3,05 л.
Заказ № 705. Цена 60 коп.

Типография изд-ва «Знание», Москва, центр, Новая пл., д. 3/4,

Буржуазная философия второй половины XIX и первой половины XX века, в особенности же господствующая в современном капиталистическом обществе философия, качественно отличается от предшествующей, домарксистской философии. Последняя, несмотря на присущую ей классовую и теоретическую ограниченность, развивалась по восходящей линии. Что же касается буржуазных философских учений эпохи империализма, то они развиваются, в основном по нисходящей линии, все более отходя от научного понимания природы, общества и познания.

Пока буржуазия была революционным классом, ее философы обогащали сокровищницу человеческой мысли выдающимися материалистическими и диалектическими положениями. Современная буржуазия давно стала реакционным классом, и поэтому ее философия порвала с достижениями предшествующего развития философской теории. Этим определяется основное содержание и социальное назначение современной буржуазной философии: она является апологией капиталистических отношений. Защита капитализма, борьба против социалистического строя и его научной идеологии — марксизма-ленинизма составляет основу самых утонченных, абстрактных построений современных буржуазных философов.

«Марксистско-ленинские идеи, — говорил Н. С. Хрущев в своем докладе на XXI съезде КПСС, — имеют для международного рабочего движения, для победы коммунизма такую же животворную силу, как солнечные лучи, как свет и тепло для растений, для жизни на земле. Как сама жизнь беспредельна в своем прогрессивном движении, в своих мно-

гообразных проявлениях, так безгранична в своем развитии и обогащении новым опытом и новыми положениями марксистско-ленинская теория»¹.

Удивительно ли, что современные реакционеры от философии считают своей важнейшей задачей борьбу против марксистско-ленинского мировоззрения? Удивительно ли, что они также выступают против тех буржуазных учений, которые исторически предшествовали марксизму и явились его теоретическими источниками?

Одной из характерных особенностей современной буржуазной философии является чрезвычайная пестрота, крайняя многочисленность ее различных направлений и направлений, течений и теченьиц, школ и школек. Даже в рамках одного и того же философского учения различные его представители претендуют на создание самостоятельных направлений. Так, например, философскую теорию, которую основатель ее Ч. Пирс называл прагматизмом, его последователь У. Джемс именовал прагматизмом; ученик Джемса Д. Дьюи переименовал ее в инструментализм, английский прагматист Ф. Шиллер назвал эту теорию гуманизмом, С. Хук — экспериментальным натурализмом. Другой пример: религиозно-идеалистическая философия персонализма проповедуется ее различными представителями то как «персональный абсолютизм», то как «персональный идеализм», «теологический персонализм», «католический персонализм» и т. д. То же относится и к другим течениям современной буржуазной философии.

Некоторые из буржуазных теоретиков утверждают, что в существовании чрезвычайного множества философских «систем» в современной буржуазной философии проявляется действительное богатство идей, многообразие духовных интересов, всестороннее исследование философских проблем, короче говоря, подлинный прогресс философской мысли.

Философствующие дилетанты из лагеря реакционной империалистической буржуазии критируют социалистическое общество, в котором все философы, независимо от их творческой индивидуальности, объединяются на теоретической основе единого философского направления —ialectического и исторического материализма. Этот факт, с необходимостью вытекающий из морально-политического единства социалистического общества, изображается буржуазными «критиками» как недостаток. При этом они, конечно, не желают замечать, что это единство в области философии, неразрывно связанное с научным характером философии марксизма, ни-

¹ Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, стр. 129—130. Госполитиздат. 1959.

сколько не исключает борьбы мнений, существования различных взглядов по нерешенным вопросам и т. д.

Превознося как величайшее достоинство чрезвычайную пестроту течений в современной буржуазной философии, ее представители и апологеты возводят в добродетель то, что является одним из проявлений кризиса современного буржуазного общества. Ибо множество «измов», отличающих современную буржуазную философию от философии прогрессивной буржуазии XVII—XVIII веков, совершенно не связано с действительным богатством идей и многообразием философской проблематики. Напротив, это — закономерное выражение кризиса буржуазной идеологии, которая беспомощна выдвинуть великие идеи, эпохальные проблемы, всемирно-исторические задачи.

Выступая на XI съезде Коммунистической партии Франции, М. Торез говорил, что империалистическая буржуазия не может ныне существовать без того, чтобы не приижать мышление, не насаждать культ индивидуализма и интеллектуальной анархии. Пафос истины, который воодушевлял великих буржуазных философов XVII—XVIII веков, полностью испарился, культ разума объявлен смешным и наивным, критика интеллектуализма стала модой.

Вскрывая в своем гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм» тенденции развития буржазной философии эпохи империализма, В. И. Ленин указал на необходимость строгого разграничения между объективным содержанием всех этих многочисленных философских учений и субъективной формой выражения. Последняя, конечно, может отличаться разнообразием. Что же касается объективного содержания этих, по видимости совершенно различных философских учений, то оно в основном совпадает. Именно поэтому, как подчеркивал Ленин, между субъективно отличающимися друг от друга философскими учениями существуют по преимуществу десятистепенные различия: все они в большей или меньшей мере представляют собой вариации на одну и ту же тему — разновидности идеалистической философии.

Наличие множества буржуазных философских течений служит классовым интересам империалистической буржуазии, так как оно дезориентирует широкие массы, склоняет их к скептицизму в области мировоззрения, порождает агностическое неверие в возможность достижения истины и т. д. Многообразие философских школ и школок в современной буржуазной философии дает возможность буржуазии применять разнообразные идеологические средства для одурманивания различных слоев населения.

Одни из этих философских учений доказывают, что все в мире в сущности неизменно, другие, напротив, утверждают,

что все изменяется, а посему нельзя достигнуть чего-либо устойчивого, прочного. Одни буржуазные философы приспособливают свое учение к католицизму, другие — к протестантизму или даже к нерелигиозному взгляду на мир и т. д.

Для того чтобы разобраться во всех этих бесчисленных течениях и школах, необходимо выделить основные черты современной буржуазной философии, которые наиболее ярко отражают коренные особенности современного капитализма. Этому вопросу и посвящена настоящая брошюра.

ИРРАЦИОНАЛИЗМ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Кризис современного капитализма, предчувствие гибели буржуазного строя неизбежно приводят буржуазных философов к *иррационализму*¹. Иррационалистическая форма идеализма является новейшей разновидностью апологии капитализма на современном этапе.

Прогрессивная буржуазия XVII—XVIII веков верила в закономерность и необходимость общественного прогресса, в познавательную мощь человеческого разума, в реальную возможность разумного преобразования человеческой жизни.

Современные буржуазные философы, напротив, отрицают необходимость прогресса, третируют веру в разум как смешной и наивный предрассудок, проповедуют агностицизм, утверждают, что все в мире определяется слепыми, иррациональными, непостижимыми и стихийными силами, перед которыми бессильно человечество.

Было бы грубой ошибкой рассматривать иррационализм просто как антитезу, противоположность философского рационализма XVII века, который утверждал, что не чувственные восприятия, а якобы независимый от них разум является истинной основой познания, морали и общественного прогресса.

Такой антитезой рационализма XVII века был в свое время эмпиризм, а также неразрывно связанный с ним сенсуализм — учение о происхождении всех наших знаний из чувственных восприятий. Однако и рационализм и сенсуализм имели то общее, что они стремились обосновать принцип познаваемости мира, исследовать теоретические основы науки, избавить науку от произвола и заблуждений, указать правильный путь к истине.

С точки зрения коренных задач науки рационализм и

¹ Иррационализм — идеалистическое учение, рассматривающее действительность как воплощение хаотически действующих сил, отрицающее существование законов природы и общества, возможность прогресса, принижающее человеческий разум, которому иррационализм противопоставляет неразумную волю, инстинкт, интуицию и т. п.

эмпиризм фактически дополняли друг друга. Наука XVII—XVIII веков развивалась двумя относительно независимыми друг от друга путями: одни науки описывали, классифицировали, накапливали наблюдаемые факты, другие, например математика и механика, строились как системы понятий и выводов, полученных путем дедукции, то есть умозаключения, логического вывода, идущего от общего к частному.

В современную эпоху и рационализм и эмпиризм в той форме, в какой они исторически существовали, давно уже изжили себя. Современный иррационализм выступает против того общего, что объединяло и рационалистов и эмпириков и что образует одну из прогрессивнейших исторических традиций: против высокой оценки науки и ее роли в жизни общества, убеждения в беспрецедентной познаваемости мира и возможности разумного переустройства общественной жизни.

Коренной особенностью современного иррационализма является нигилистическое отрицание во всех областях знания и деятельности. С помощью иррационализма буржуазные философы обосновывают идеи социального пессимизма, направленные на оправдание величайшего социального зла — капиталистической системы. «Последним словом буржуазной философии, — отмечает П. Тольятти, — является отчаяние... Исчезла гордая вера человека в творческую силу его разума и в прогресс. Всплывают на поверхность старые идолы, обветшалые суеверия. Эта атмосфера скептицизма, отречения, разложения проникает во все области интеллекта, во все сферы нравственной жизни»¹.

Пессимизм, который проповедуют иррационалисты, имеет совершенно определенное, недвусмысленное классовое содержание: речь идет о невозможности прогресса, а следовательно, о невозможности коренного улучшения положения трудящегося человечества. История человечества, как говорит Т. Лессинг, представляет собой «бессмысленную жизненную трагедию муравейника, живущего, движимого голодом до тех пор, пока, он, либо вследствие охлаждения земли, либо вследствие другой космической катастрофы, не погибнет бесследно, как все погибало»².

Отрицание прогресса иррационалисты пытаются обосновать ссылками на то, что история не имеет смысла, заранее поставленной перед ней цели и т. д. Но если в истории действуют стихийные общественные силы, то разве следует отсюда вывод, что невозможна сознательная и целесообразная

¹ См. «За прочный мир, за народную демократию!» от 21 декабря 1951 года.

² Ih. Lessing, Geschichte als Sinngebung des Sinnlosen, S. 21. München, 1919.

деятельность людей, что общественный прогресс является утопией? Весь опыт всемирной истории опровергает иррационалистический пессимизм, который обусловлен реальным положением современной империалистической буржуазии. «Земные силы спасения покинули нас, так же как и божественные силы, которые ушли век или два века тому назад, — говорит американский социолог Л. Мейер. — ...Это в действительности эпоха тоски»¹.

Иррационалистическая философия имела известное распространение и в эпоху домонополистического капитализма и даже ранее, когда она выступала в качестве идеологии умирающих феодальных классов. С иррационалистическими мотивами мы встречаемся, по существу, во все критические переломные периоды истории человечества. Известный тезис одного из «отцов» христианской церкви Тертулиана — «верую, потому что абсурдно», довольно точно выражал основную идею иррационалистической философии.

В наше время, перед лицом величайших успехов научного знания, бессмысличество тертуlianовского «кредо» особенно очевидно. Между тем английский прагматист Ф. Шиллер утверждает, что тертуlianовское «кредо» является не только основой богословия, но и основой... науки.

Однако современный иррационализм существенно отличается от предшествующих форм иррационалистической философии. В прошлом он никогда не занимал господствующего положения в философии, и передовые мыслители, даже из идеалистического лагеря, решительно выступали против иррационализма. В настоящее же время иррационализм является одним из наиболее влиятельных буржуазных философских течений.

Каковы существенные особенности современного иррационализма? Во-первых, он представляет апологию раздираемого противоречиями, умирающего капиталистического строя. Во-вторых, он развивается на фоне небывалых, воистину колоссальных успехов науки, непосредственно свидетельствующих о беспредельной мощи познания, о величии человеческого разума.

Современная буржуазная философия, в отличие от философских учений XIX века, уже не может прямо, открыто отрицать присущие капиталистическому строю противоречия, катаклизмы, но пытается изобразить их как извечную дистармонию человеческого существования, неустранимую никакими социальными преобразованиями. Иррационалисты, следовательно, утверждают, что не капитализм является антагонистическим общественным строем, а само человеческое

¹ L. Meyer. Marxism. The Unity of Theory and Practice, p. 149. Harvard University Press. Cambridge. 1954.

существование, по природе своей, трагично, заключает в себе внутренний надрыв, неразрешимое противоречие.

Иrrационалистические идеи, в явной или скрытной форме проповедуются почти всеми современными буржуазными философами, в том числе и теми, которые субъективно настроены против иррационализма и даже причисляют себя к представителям рационализма. Однако наиболее активными проповедниками иррационализма являются приверженцы **экзистенциализма**, или «философии существования» (от латинского слова *existentia* — существование).

Экзистенциалисты часто называют своими предшественниками выдающихся мыслителей прошлого, например Гегеля, Декарта. Однако предшественниками экзистенциализма можно считать лишь философов-иррационалистов. Главным из них является датский писатель-мистик С. Киркегор, почти неизвестный своим современникам в XIX веке и лишь в эпоху империализма извлеченный из забвения реакционными буржуазными философами.

С. Киркегор был глубоко религиозным человеком, полагавшим, что вера в бога не нуждается в подкреплении всякого рода логическими аргументами; того, кто не верит, никакими доводами не убедишь. С этой точки зрения Киркегор осуждал всевозможные попытки «доказать» существование бога, в этих попытках он видел упадок религиозной веры, которая ищет таким образом помощи в разуме. «Существование нельзя мыслить», — говорил Киркегор. Истинно верующий человек, по его мнению, всем своим существом ощущает присутствие бога. Не мышление, которое представлялось Киркегору холодным, формальным расчленением понятий, а именно человеческое существование (переживания, страдания и т. п.) доказывает существование бога. Поэтому лучшее из всего того, что может сделать мышление, это «открыть нечто такое, что само мышление не может мыслить». Именно эта нигилистическая характеристика теоретического мышления и превращение единичного человеческого существования (вернее, переживания существования) в основу познания и восприняты экзистенциалистами у Киркегора.

Возникновение экзистенциализма относится к середине 20-х годов текущего столетия. Его основоположником следует считать немецкого реакционного философа М. Хайдеггера, опубликовавшего в 1927 году книгу «Бытие и время». Другим известным представителем немецкого экзистенциализма является К. Ясперс, главный труд которого «Философия» вышел в свет в 1931 году. Значительным влиянием, особенно с середины 40-х годов, экзистенциализм пользуется во Франции, где его главными представителями являются Ж. П. Сартр (основная работа «Бытие и ничто», 1943 г.) и католический философ Г. Марсель. Экзистенциализм имеет так-

же распространение в Скандинавских странах, Италии, Испании, странах Латинской Америки.

Исходное теоретическое понятие экзистенциализма — понятие «существования» (экзистенция). Существование, согласно этой философии, предшествует сущности. Словом «сущность» обозначается все то, чем становится человек в результате общественного и индивидуального развития, благодаря познанию окружающей действительности, избранию определенной профессии и т. д. «Сущность» — это также то, что познается рационально, то есть научно: законы природы и общества, открытия науки, общественные учреждения, моральные принципы, социально-экономические факты и т. п.

Если в действительности многообразные факты и закономерности природы и общества либо предшествуют существованию человечества и составляют необходимое естественное условие его развития, либо являются результатом человеческой деятельности, то с точки зрения экзистенциализма они являются чем-то вторичным, производным от «существования». Последнее же характеризуется прежде всего как человеческое существование, точнее, *переживание* существования, внутренне присущее каждому единичному индивиду, поскольку он действительно существует, живет, чувствует, страдает и т. п.

Правда, экзистенциалисты постоянно предупреждают, что принимаемое ими исходное понятие не может быть логически определено. Существование, говорят они, невозможно определить в терминах науки, нельзя выразить словами. «Понятие существования, — пишет Хайдеггер, — не поддается определению. Это вытекает из присущей ему предельной всеобщности»¹.

Существование, утверждает К. Ясперс, «никогда не будет объектом». Как заявляет Г. Марсель, оно представляет собой лишь «род чувства». Такое понимание существования является идеалистически-антропологическим, так как его основными признаками объявляются человеческие переживания. Существование равно человеческому переживанию существования. «Все, что существует, сосредоточивается в человеке и исходит от него, — провозглашает тоном оракула Ясперс, — исключить существование человека означало бы для нас (курсив мой. — T. O.) погрузиться в ничто»². Как видно из этого утверждения, экзистенциалистский вывод о человеческом (антропологическом) характере существования основывается на том, что каждый отдельный индивидуум обнаруживает существование окружающих его предметов благодаря их восприятию.

¹ M. Heidegger. *Sein und Zeit*, S. 4. Lübingen 1957.

² K. Jaspers. *Rechenschaft und Ausblick*, S. 344. München 1951.

Экзистенциалисты, следовательно, в своем «определении» существования продолжают берклианский тезис: *esse percipi* (быть — значит быть воспринимаемым). То, что Мах и Авенариус, вслед за Беркли, называли «комплексом ощущений», экзистенциалисты называют «существованием».

Приведенные высказывания экзистенциалистов свидетельствуют о том, что эти философы крайне запутывают основной вопрос философии — об отношении сознания к бытию, духовного к материальному.

Вместо прямой и недвусмысленной постановки вопроса — что первично, сознание или бытие, духовное или материальное — экзистенциалисты противопоставляют друг другу существование и сущность. Что первично, спрашивают они, существование или сущность? И, отвечая на этот, фактически лишенный смысла, вопрос (ибо нет сущности, которая бы не существовала, и существования, лишенного сущности), экзистенциалисты утверждают: существование предшествует сущности, поскольку для того, чтобы быть чем бы то ни было, иметь какую-то сущность, надо прежде всего существовать. К этому сводится, в конечном счете, аргумент, выдвигаемый экзистенциалистами.

Основной исходный тезис экзистенциализма является отправным пунктом субъективного идеализма, давно разоблаченного в классическом ленинском труде «Материализм и эмпириокритицизм».

Однако характерной особенностью экзистенциалистского субъективизма в отличие от махизма является идеалистическое обоснование буржуазного индивидуализма и аморализма: раз мое существование является, по крайней мере, для меня, первичной реальностью, следовательно, все остальное, что называется «сущностью», не стоит того, чтобы им заниматься всерьез, отдавая ему свое время, силы, способности.

Как правильно замечает буржуазный критик экзистенциализма Р. Страус Хюпье, «значение экзистенциализма для образованных людей этого поколения, не являющихся профессиональными философами, заключается в признании бесмысленности всего, за исключением собственного существования».

Правда, экзистенциалисты не согласны с такой оценкой их этической концепции. Ж. П. Сартр, например, утверждает, что только экзистенциализм способен сбосновать принципы морали, так как он отбрасывает лицемерные моральные догмы и выводит нормы человеческого поведения непосредственно из самого человека. Человек, говорит Сартр, «сам выбирает свою мораль и этим создает себя». Однако тот же Сартр утверждает, что человек не может преодолеть «человеческой субъективности», из чего-де следует, что «все чело-

веческие действия равнозначны». Отсюда, в свою очередь, делается вывод, что «мы никогда не можем сделать плохой выбор; то, что мы выбираем, всегда правильно...».

Стоит ли указывать, что такая безудержно субъективистская этическая концепция открывает настежь двери абсолютному релятивизму в области морали. А абсолютный моральный релятивизм есть не что иное, как аморализм.

Рассматривая существование как «человеческую реальность», экзистенциалисты отмечают, что оно, в известном смысле, не зависит от субъективного человеческого Я. Это наглядно обнаруживается в том, что человек страдает, испытывает страх, тревогу, погружен в заботы, чувствует себя одиноким или, как говорит Хайдеггер, заброшенным. Все эти состояния существования не выбраны человеком, не вызываются произвольно; они указывают на наличие чего-то независимого от единичного субъекта.

Прежде всего о независимости существования человека от самого человека говорит его смертность. Человек появляется в этом мире не по своей воле, он уходит из него, как правило, также не по своей воле. Иными словами, после того как было дано субъективно-идеалистическое (фактически солипсистское) определение существования, экзистенциалисты вынуждены признать зависимость этого единичного существования от чего-то другого.

Вместо того чтобы прямо сказать, что это другое представляет собой объективную реальность, существующую вне и независимо от сознания и воли индивидуума, экзистенциалисты, как это вообще свойственно идеалистам и агностикам, разглагольствуют о том, что существование — это не только мое Я, но и то, что как-то его охватывает, объемлет, ограничивает.

Ж. П. Сартр, считающий себя атеистом, называет это другое, ограничивающее человеческое существование небытием, ничто. К. Ясперс, обосновывающий с помощью экзистенциализма религиозное миропонимание, напротив, утверждает, что это бог, являющийся «абсолютной реальностью». Ссылаясь на бога, Ясперс так же, как в свое время это делал Беркли, сочетает субъективный идеализм с идеализмом объективным, непосредственно смыкающимся с фидеизмом. С этой точки зрения, понятие «существования» не исчерпывает всего существующего, всей реальности.

Таким образом, кроме «существования» как внутреннего состояния единичного человеческого субъекта, экзистенциалисты признают существование чего-то потустороннего. А между посюсторонним и потусторонним помещается реальный мир, то есть мир, который отражается в наших чувственных восприятиях, представлениях, понятиях, мир, который познается наукой, преобразуется сознательной и целесо-

образной деятельностью людей. Этот на деле единственно реальный мир объявляется чем-то призрачным, эфемерным, кажущимся. «Реальность мира, — провозглашает Ясперс, — существует эфемерно между богом и экзистенцией»¹.

Итак, экзистенциализм приходит к признанию некой по-сторонней объективной реальности: ее существование устанавливается так называемым экзистенциальным опытом, то есть человеческим переживанием своего собственного бытия, страданием, страхом, умиранием.

Известно, что вера в существование трансцендентного (по-стороннего) неотделима от религии, корни которой — в по-рабощении трудящихся стихийными силами общественного развития. Угнетенный, эксплуатируемый, придавленный капиталистическими отношениями человек обращает свой взор к небу, когда он не видит путей избавления от гнета на земле. Экзистенциалисты говорят массам: не может быть никакого другого освобождения, избавления, спасения, кроме смерти.

Идеологи умирающего капитализма, экзистенциалисты, превращают понятие смерти в важнейшую категорию, в со-кровеннейшую характеристику человеческого существования. Итальянский экзистенциалист Э. Костелли, разрабатывающий типично теологическую концепцию бытия, утверждает: «Существовать в мире, значит существовать для смерти»². Это определение «смысла» человеческой жизни выдается им за «новую формулу философии откровения».

Софистически обыгрывая диалектику жизни и смерти, экзистенциалисты доказывают, что «живь — это и значит умирать», потому что «существование» непрерывно превращается в небытие, в ничто, погибает. «Учиться жить и учиться умирать — это одно и то же»³. Поэтому лишь страх смерти, страдание, ужас приводят, по мнению экзистенциалистов, к пониманию истинной природы «существования», а тем самым и к постижению трансцендентного.

Материалисты всегда разоблачали страх перед смертью, считая задачей своей философии освобождение человека от страха, уродующего жизнь.

Экзистенциалисты культивируют страх смерти, разглашают о бренности существования.

В обычных жизненных ситуациях — в процессе труда, политической деятельности, изучения окружающей действительности — человек, как утверждает экзистенциализм, не способен постигнуть ни экзистенций, ни трансценденции; в этих случаях он похож на того здорового человека, который не знает, не чувствует по-настоящему, что такое здоровье.

¹ K. Jaspers. Way to Wisdom, p. 80. London 1951.

² E. Costelli. Existentialisme théologique, p. 16. Paris 1948.

³ K. Jaspers. Way to Wisdom, p. 126.

Вот почему, как утверждает Г. Марсель, «отчаяние является основным положением метафизики», то есть философии. Потому-то, по мнению Ясперса, истинное знание достигается лишь в чрезвычайных, или «пограничных ситуациях», когда человек теряет обычное, здравое представление о мире, теряет способность мыслить и погружается в «непостижимое».

Утверждая, что познание собственной субъективности, с одной стороны, и объективно существующей трансцендентности (бога или небытия) — с другой, составляет высшую задачу философии, экзистенциалисты с нескрываемым пренебрежением относятся к научному познанию, которое обращено на реальные, материальные, чувственно воспринимаемые или же открываемые теоретическим исследованием объекты.

Исходя из уже охарактеризованного выше религиозного представления о человеческой жизни как суете суэт, экзистенциалисты доказывают, что здоровый, полный жизни человек находится во власти иллюзий, а здравый смысл, присущий нормальнym людям, и неразрывно связанное со здравым смыслом научное исследование действительности лишены какой бы то ни было познавательной ценности. Лишь страдая, испытывая страх, заботу, сознавая себя виновным, чувствуя приближение смерти, человек познает истинную сущность мира — «экзистенцию» и то, что стоит за нею — «трансценденцию». Не удивительно поэтому, что наука истолковывается как знание эфемерного, кажущегося, не имеющего прочного значения.

Познавая вещи, наука якобы не познает бытия, существования, не может указать смысла жизни, не может также решить вопроса о собственном смысле и назначении. То, что наука исследует свои объекты в качестве независимых от человека, рассматривается экзистенциализмом, не как достоинство, а, напротив, как ограниченность научного подхода к действительности. Отказ науки от допущения мистических, иррациональных сущностей, научные требования последовательности, доказательности, проверки на практике теоретических положений — все это также указывает, по мнению экзистенциалистов, на то, что наука лишь поверхностно описывает действительность, не проникая в ее сокровенные тайны, таящиеся в экзистенции и трансценденции.

Отвергая научное познание действительности, экзистенциалисты пытаются доказать, что научная картина мира представляет собой в лучшем случае лишь своеобразную шифрограмму, ключ к которой не может быть найден средствами науки. Тот, кто принимает явления, изображаемые наукой, за нечто действительное, не отличает шифра от того, что зашифровано. Отсюда вытекает, что данные науки следует рассматривать как условные обозначения непознаваемых иррациональных данностей.

Д. Беркли утверждал: явления природы, непосредственно представляющие собой комбинации наших ощущений, в конечном итоге оказываются знаками, метками, символами, посредством которых бог сообщает свою волю людям и, так сказать, демонстрирует свое существование. По существу эти же положения берклианства повторяют экзистенциалисты (особенно Г. Марсель, К. Ясперс, Э. Костелли). Для них реальный, чувственно воспринимаемый мир представляется своеобразным шифром, который-де является языком «трансценденции», то есть бога.

Экзистенциализм противопоставляет науке мистическую интуицию, инстинкт, озарение, подвергая с этих позиций критике абстрактное мышление. Но совершенно очевидно, что эта «критика» абстрактного мышления означает по существу критику мышления вообще, теоретического (научного) мышления в особенности. Категории, которыми оперирует наука, например естествознание,—масса, инерция, закономерность, причинность и т. д., являются, с точки зрения экзистенциализма, пустыми, бессодержательными ярлыками, употребляемыми для обозначения того, что отнюдь не познано, а в лучшем случае лишь обнаружено. С этой точки зрения, наука не познает, а лишь обнаруживает непознаваемое.

Экзистенциалисты — воинствующие проповедники агностицизма. Философия, по их мнению, тем-то и отличается от науки, что она признает наличие сокровенного, непостижимого и удовлетворяется своей близостью к непознаваемому, иррациональному.

Рассматривая противоположность между знанием и незнанием, экзистенциалисты сводят ее на нет; они утверждают, что знание есть особого рода «наполненное» незнание, так что благодаря науке люди лишь осознают свое незнание, обнаруживают непознаваемое, не более. Если агностики XIX века, заявляя, что мир непознаваем, видели в этом нечто отрицательное, то современные агностики-экзистенциалисты всячески пытаются доказать, что истина не по плечу человеку, невежество облегчает жизнь, которая-де была бы невозможна без иллюзий и заблуждений. Одним словом, блаженны нищие духом!

Выдающийся русский ученый К. А. Тимирязев остроумно высмеял такого рода воинствующих агностиков, ликующих по поводу ими же самими изобретенной мнимой непознаваемости мира. Их утверждения он охарактеризовал как мистический экстаз, невежества, бьющего себя в грудь, радостно причитая: «Не понимаю! Не пойму! Никогда не пойму!». Но если познание чревато опасностью, то к чему в таком случае наука? Экзистенциалисты не решаются прямо отвергнуть науку, они вынуждены все-таки признавать, что она необходима, полезна. Но следует ли отсюда, что наука способна да-

вать достоверные знания и является одной из могущественных сил общественного прогресса? На этот вопрос экзистенциалисты отвечают отрицательно. Польза, которую приносит наука, по их мнению, не имеет ничего общего со знанием истины; наука-де просто указывает средства для достижения определенных практических, технических, полезных результатов.

Таким образом, экзистенциалисты абсолютно противопоставляют познание и практику, истину и практические достижения, получаемые благодаря ее познанию и использованию в практической деятельности. Вырывая пропасть между теорией и практикой, между истиной и окружающей нас действительностью, экзистенциалисты пытаются доказать, что истина относится не к реальному, чувственно воспринимаемому миру, а к чему-то потустороннему, трансцендентному.

Как уже говорилось, экзистенциализм сочетает субъективно-идеалистическое истолкование категорий существования с признанием трансцендентной реальности, которая по-разному характеризуется различными представителями этой философии. Но все они утверждают, что трансцендентное окружает, объемлет и, в известном смысле, наполняет существование.

Однако, будучи решительными противниками детерминизма, экзистенциалисты не могут прямо сказать, что трансцендентное обуславливает, определяет «существование». Последнее и зависит и вместе с тем не зависит от трансцендентного. Имеются, говорят экзистенциалисты, факты, свидетельствующие о независимости экзистенции от трансценденции. Таким образом является прежде всего самоубийство; последнее якобы происходит не из трансцендентного, а из имманентно присущей существованию абсолютной, то есть недетерминированной свободы.

Эту, с позволения сказать, «истину» еще в середине XIX века «впервые» открыл и философски препарировал уже упоминавшийся выше датский идеалист С. Киркегор. Он писал, что хотя человек и не господин своей судьбы, а всего лишь нить, вплетенная в пеструю «ткань жизни», тем не менее может оборвать свою жизнь, покончить самоубийством: «Если я не могу ткать сам, то могу все же оборвать нить».

Вслед за Киркегором экзистенциалисты на все лады обсуждают вопрос о самоубийстве, придавая ему важнейшее значение, связывая с ним проблему человеческой свободы, отношение субъекта к объекту, познание и т. п. Отсюда понятно, почему французский экзистенциалист А. Камю безапелляционно заявляет, что «единственная действительно серьезная философская проблема — это проблема самоубийства».

Философы экзистенциализма совершенно игнорируют объективные условия, которые способствуют росту количе-

ства самоубийств в капиталистических странах, хотя данные статистики показывают, что в подавляющем большинстве случаев самоубийства связаны с тяжелым материальным положением, с глубокими моральными травмами и психическими расстройствами, порождаемыми ненормальными условиями жизни при капитализме.

Для экзистенциалистов самоубийство является главным аргументом для подтверждения их основного тезиса об индeterminированности «существования». В этом отношении экзистенциализм не отличается от той теологической концепции, согласно которой, несмотря на существование божественного предопределения, человек обладает абсолютно свободной волей.

Ж. П. Сартр, постоянно подчеркивающий, что он стоит на позициях атеизма, и отличающий себя в этом отношении от других экзистенциалистов, категорически заявляет, что «нет детерминизма, человек свободен, человек — это свобода». Отсюда вытекает вывод, что «человек есть не что иное, как собственный замысел». Каждый человек, доказывает Сартр, выбирает свою сущность, то есть становится тем или другим, приобретает определенный облик, характер, привычки, наклонности, знания и т. п. вследствие свободного выбора. Понятие «выбора» является центральным в том толковании существования, которое дается этим философом. Помощью выбора, утверждает Сартр, человек реализует себя. «Выбирая себя, я созидаю мир». Единственное, что невозможно — не выбирать, отказаться от выбора. Хотя Сартр и пытается доказать, что развиваемая им концепция свободы является теоретическим обоснованием моральной ответственности, на деле это не так. Ведь свободу экзистенциалисты фактически отождествляют с произволом; произвольные же акты меньше всего могут основываться на сознании долга, ответственности и т. д. Если воля индетерминирована, то волевые акты не могут определяться какими бы то ни было мотивами, в том числе и моральными.

Идеалистическая концепция абсолютной свободы воли не оставляет места для ответственности человека за свое поведение. Свобода, о которой говорят экзистенциалисты, является иррациональной стихией, в которую погружен человек и которой он не способен овладеть. Человек находится во власти своего собственного произвола — к этому сводится существование иррационалистической концепции свободы.

То, что экзистенциалисты называют свободой, не имеет ничего общего с положительным проявлением деятельности человека, с господством человека над стихийными силами природы и над общественными отношениями, с борьбой за социальную и политическую свободу, против гнета капитала и реакции.

Экзистенциалистская свобода есть лишь «свобода» выбора между жалким и никчемным «существованием» и смертью. При этом экзистенциалисты утверждают, что выбор в сущности иррационален, то есть происходит независимо от сознания. Когда индивид выбирает «свободно», он лишь подчиняется подсознательному, трансцендентному, которое действует в нем, определяя все его сознательные акты. Стоит ли говорить о том, что такая «свобода» способна внушить лишь отвращение? Не потому ли экзистенциалисты говорят, что человек «обречен» быть свободным, что он не может не быть свободным, что в этой свободе его судьба?

Такого рода философская концепция «свободы» неизбежно приводит к дискредитации идеи свободы и освободительной борьбы трудящихся, приводит к тому, что величайшее благо выдается за величайшее зло. Свобода оказывается каким-то пугалом, которое возлагает на человека страшную ответственность, не давая ему ничего взамен. И хотя такие экзистенциалисты, как Сартр и Камю, считают себя сторонниками демократии и противниками фашизма, совершенно очевидно, что сама по себе экзистенциалистская концепция иррационалистической свободы сугубо антидемократична.

Как ни абстрактны экзистенциалистские концепции существования, трансценденций, жизни, смерти, свободы, они, несомненно, имеют совершенно определенный политический смысл и назначение. Экзистенциалисты подчеркивают, что они не верят в общественный прогресс, ибо прогресс есть улучшение, а человек якобы остается всегда одним и тем же. Поэтому у человечества нет обнадеживающей перспективы. Экзистенциализм пытается внушить массам неверие в возможность уничтожения порабощающих их капиталистических отношений. Он призывает массы покориться обстоятельствам своей жизни, не надеяться на лучшее будущее, не бороться за него. Наше время, заявляет Ясперс, есть время «духовной и материальной катастрофы». Нельзя полагаться на разум, не существует никаких объективных закономерностей, и лишь трансцендентное (то есть Бог, вера в Бога) может сделать эту сомнительную жизнь хорошей.

Следует отметить, что Ясперс вполне сознает, что его философские пророчества представляют собой не просто мысли, высказанные вслух, а определенную политическую линию. «Нет философии без политики и без политических последствий», откровенно признается он. О том, насколько тесно связал себя К. Ясперс с империалистической реакцией, свидетельствует его книга «Атомная опасность и будущее человека», опубликованная в 1958 году. В этой книге Ясперс категорически выступает против запрещения атомной бомбы, повторяя давно обанкротившиеся аргументы пропагандистов.

«холодной войны» относительно того, что термоядерное оружие якобы необходимо для «обороны» так называемого «свободного» мира от опасности социализма. Сознавая, насколько эта точка зрения противоречит нравственному сознанию народов всех стран, Ясперс пытается оправдаться разлагольствованиями о том, что атомная бомба есть лишь одно из проявлений якобы неизбежного «радикального зла», имеющегося в самой человеческой природе.

По мнению Ясперса, в самом человеческом существовании заключена какая-то страшная, уничтожающая сила, несущая гибель всему человечеству, и уничтожение атомной бомбы ничего бы не изменило в этой трагической дисгармонии человеческого существования. Человечество фатально приближается к «тотальному самоуничтожению», провозглашает Ясперс. Он объявляет единственным средством спасения создание всемирного капиталистического правительства, ликвидацию исторических завоеваний социализма и самого существования социалистического лагеря.

Такова политика, которую пропагандирует Ясперс вкупе с другими мракобесами, как экзистенциалистами, так и не-экзистенциалистами. Это политика реакционной, империалистической буржуазии, бешено противодействующей общественному прогрессу. «От этой философии, которая является продуктом созревшего для слома буржуазного общества, веет тлетворным духом»¹, — справедливо отмечает О. Гроцеволь.

ФИДЕИЗМ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

В. И. Ленин в статье «Отсталая Европа и передовая Азия» подчеркивал, что империалистическая буржуазия «...из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство»².

Страх перед будущим является характерной особенностью современной буржуазной идеологии. Еще полвека назад буржуазные идеологи безапелляционно утверждали, что капитализм будет существовать всегда. Теперь подобные утверждения прямо и непосредственно опровергаются всемирно-историческим фактом существования мировой социалистической системы.

¹ O. Grotewohl. Die geistige Situation der Gegenwart und der Marxismus, S. 34. Berlin 1948.

² В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 77.

Не удивительно поэтому, что империалистическая буржуазия готова поощрять любое мракобесие, лишь бы принудить трудящиеся массы к смирению. Если в конце XIX века буржуазные идеологи выдвигали лозунг «Назад к Канту!», то теперь они призывают идти еще дальше в движении вспять. «Назад к средневековью!» — так коротко может быть сформулирован сегодняшний лозунг буржуазии.

В своем гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин всесторонне вскрыл реакционную сущность новейших буржуазных философских течений, показав, что последним словом буржуазной философии конца XIX и начала XX века является фидеизм — учение, подчиняющее разум вере и, следовательно, солидаризирующющееся, в конечном итоге, со средневековым представлением об отношении науки к религии.

Характеризуя философию так называемых имманентов, доказывавших, что все существующее неотделимо от сознания, внутренне присуще ему, Ленин прямо указывал, что это «цельные в своем мракобесии люди». И далее: «Нет ни одного из них, который бы не подводил *открыто* своих наиболее теоретических работ по гносеологии к защите религии, к оправданию того или иного средневековья»¹. Весьма характерно, что реакционные философские концепции махистов, имманентов и других субъективных идеалистов Ленин характеризовал, как гносеологическую *схоластику*, подчеркивая тем самым их идейное родство со средневековым обскруантизмом от философии.

Эти указания Ленина относительно буржуазной философии конца XIX и начала XX века, всецело могут быть отнесены к современным философским теориям империалистической буржуазии.

С точки зрения современных буржуазных идеологов, религия есть философия для простого народа. Реакционная буржуазия стремится внедрить в качестве «философии» для народа религиозное учение, подновленное с помощью идеалистической философской аргументации. Религия, употребляя выражение известного американского буржуазного философа Д. Сантаяны, необходима как «выхлопной клапан», который предупреждает взрыв народного возмущения против капиталистического гнета.

Современные реакционеры мечтают о возвращении к средневековью, когда религия охватывала все сферы общественной и личной жизни, сковывала человека по рукам и ногам. Буржуазия всеми силами стремится сделать религию главной и, по возможности, единственной духовной пищей масс. В этой связи понятны утверждения английского социо-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 199.

лога и историка А. Тойнби о том, что религия является глубочайшей основой всех исторически существующих форм общества, а католицизм — основой «западной цивилизации».

Социальным идеалом для Тойнби является универсальная, космополитическая христианская теократия, то есть политическое господство церкви во всемирном масштабе.

Реакционная утопия возвращения к средневековью отражает вполне реальные интересы империалистической буржуазии. Последняя стремится использовать весь арсенал идеологических средств средневековья, чтобы обосновать, оправдать, укрепить капиталистическое закрепощение трудящихся на современном этапе, чтобы опорочить в глазах миллионов верующих людей капиталистических стран идеологию и практику научного социализма.

Это значит, что религиозное изуверство, культивируемое многими современными буржуазными философами, целиком и полностью подчинено практической политической задаче империалистов. Эту задачу весьма определенно сформулировал американский кардинал Спеллман, являющийся одновременно доверенным лицом Ватикана и Уолл-стрита. Спеллман заявил, что все, «кто верит в Америку и бога», должны включиться в крестовый поход против коммунизма.

Неодолимое влечение к средневековью, идеализация средневековых порядков и религиозный пафос значительной части современных буржуазных философов и социологов есть закономерное явление, отражающее глубокий кризис капиталистической системы, из которого буржуазные идеологи ищут выхода на путях возвращения общества вспять. Главным течением подновленного средневекового обскурантизма является *неотомизм*.

Неотомизм, или неосхоластика, представляет собой возрождение и применение к современным буржуазным условиям философского и теологического учения знаменитого средневекового мыслителя Фомы Аквинского, возведенного католицизмом в «святые». Это не обычная академическая, университетская философия, известная главным образом узкому кругу специалистов. Неотомизм — официальная философская доктрина католицизма, под влиянием которой в большей или меньшей мере находятся миллионы людей во всех частях земного шара и особенно в странах, где преобладает католическое вероисповедание. Главными представителями неотомистской философии являются французы Ж. Маритэн, Э. Жильсон, американцы П. Ройан, В. Бурке, Г. Гарингтон, итальянцы Д. Дзамбони, Ф. Ольджати, Ун. Падовани, австриец Г. Веттер.

Учитель современных томистов Фома Аквинский (1225—1274) разработал наиболее утонченную систему схоластиче-

ской философии, строго придерживающейся догматов католицизма и объединяющей воедино все средневековые религиозные аргументы в защиту священного писания, бытия бэга и господства эксплуататорских классов. Если Тертуlian отрицал возможность разумного, логического обоснования религиозной веры, то Фома Аквинский объявляет разум помощником религии, подчиняет разум религиозной вере. По учению Фомы, задача разума и сводится, прежде всего, к обоснованию утверждений «священного писания».

Нетрудно понять, что эта точка зрения более подходит для современного Ватикана, чем откровенное отрицание разума, науки, пропагандировавшееся Тертулианом. Абсолютное противопоставление веры разуму приводит к подрыву религии, так как подчеркивает неразумность, бессмысленность религиозных догматов. Именно поэтому положение «святого» Фомы о существовании «истин разума» и «истин веры», его утверждения о том, что «истины веры» сверхразумны и являются высшим знанием, вполне устраивает современных реакционеров, стремящихся с помощью католицизма подчинить науку поповщине.

Фома Аквинский обработал в духе требований католицизма учение великого античного мыслителя Аристотеля, выбросив из него все материалистические и диалектические идеи, соединив его с учением «отцов» христианской церкви и, в частности, с «теорией» Августина Блаженного о существовании двух миров: посюстороннего (земного) и потустороннего (загробного).

Аристотель жил и творил задолго до возникновения христианства. Совершенно естественно, что у этого «языческого» философа не было и не могло быть учения о сотворении мира из ничего, о бессмертии души, существовании ада, рая, чистилища, а также дьявола, ангелов, чертей и т. д. Все эти религиозные басни были привнесены в учение Аристотеля «святым» Фомой.

Обработанное таким образом учение Аристотеля превратилось в безжизненную схоластическую систему и перестало быть опасным для католицизма. Учение Аристотеля, бывшее под запретом, стало официальной философской доктриной позднего средневековья, возведенной в непререкаемую догму.

Наконец, и это, пожалуй, самое главное: «святой» Фома доказывал, что послушание представляет собой «добродетель подданных». Ныне, когда широкие массы все более решительно выступают против капиталистического гнета, такого рода идейные проповеди весьма на руку буржуазии.

Отношение неотомистов к своему первоучителю представляет собой один из наиболее ярких примеров реакционного идеалистического культа личности. Фома Аквинский является «сверхчестственной» личностью, которой чуть ли не

сам бог открыл все философские истины. Фома, как уверяет лидер неотомизма Маритэн, «апостол новых времен», «святой разум», являющийся «пророком, предназначенный для грядущих веков». Назначение неотомизма заключается лишь в распространении, разъяснении созданного «святым» Фомой философского евангелия: «Людям сегодняшнего дня, — говорит Маритэн, — назначено подготовить появление его мудрости в культуре и его гуманизма в жизни»¹.

По учению неотомистов, «святой» Фома открыл вечные общечеловеческие идеалы, обосновал принцип причинности, преодолел крайности рационализма и эмпиризма, обосновал гармонию между субъектом и объектом, верой и разумом, волонтизмом и интеллектуализмом, предвидел открытие атомной энергии и т. д.

В этом возвеличении и превращении в непререкаемую догму средневековой схоластической системы со всей очевидностью обнаруживается идейное убеждество, идейный мазаизм империалистической буржуазии и ее философствующих оруженосцев.

Однако нельзя не замечать того, что неотомизм наполняет средневековое учение Фомы Аквинского современным содержанием, использует средневековые схоластические догмы для идеалистического истолкования новейших данных науки и общественной практики. Неотомизм, в отличие от учения Фомы Аквинского, теоретически обосновывает не феодальный, а капиталистический строй. Главным объектом неотомистской «критики» является научный социализм, марксистско-ленинская философия, социалистическое общество.

Вслед за Фомой Аквинским неотомисты пытаются построить на основе религиозного мировоззрения систему объективного идеализма, главными положениями которой являются признание бога в качестве «первородителя», первоисточника всего существующего в мире и мистическое раздвоение существующего на чувственно воспринимаемый мир и потусторонний (трансцендентный) мир. На место законов природы и общества неотомизм ставит божественное предустановление, пророчество, приписывая естественным процессам сверхъестественные причины. Признание бытия божия, бессмертия души, существования мифического потустороннего сверхчувственного мира и независимости воли от материальных условий, телеологическая концепция природы и общества — таковы основные положения неотомизма.

Неотомисты утверждают, что они признают познавательное значение чувственного опыта, не отрицают и того, что наши ощущения являются копиями предметов, действующих на наши органы чувств. Однако в действительности нео-

¹ I. Maritain, *De Bergson à Thomas d'Aquin*, p. 269, New York 1944.

томисты являются противниками сенсуализма, ибо чувственно воспринимаемый посюсторонний мир это, по их учению, внешняя, поверхностная и, в конечном счете, обманчивая сторона действительности. Говоря о том, что разум опирается на данные органов чувств, неотомисты приходят к выводу, что именно это и ограничивает его познавательную способность, делает его фактически неспособным проникнуть в сокровенную (божественную) сущность мира.

Стремясь примирить науку и религию, неотомисты утверждают, что «без помощи бога разум не в состоянии объяснить ни мироздания, ни морали». В соответствии с этим важнейшим положением неотомизма является реакционная идея «единства» или «гармонии» разума и веры, науки и религии. Вслед за «святым» Фомой неотомисты утверждают, что существуют истины разумные и «сверхразумные», то есть не-постижимые разумом и доступные лишь откровению, вере. Разум, сознавая свою слабость перед истинами веры, должен ограничиваться защитой «сверхразумных» истин, защитой религии от всяческих возражений.

Неотомисты заявляют, будто вражда между наукой и религией имела место лишь вследствие того, что не было четкого разграничения между их компетенцией. У науки и религии, утверждают неотомисты, различные объекты познания — естественное и сверхъестественное, а потому можно провести между ними строгое разграничение, установить их компетенцию и не допускать вмешательства науки в вопросы религии и религии — в чисто научные вопросы.

Но возможно ли такое разграничение между наукой и религией? Само собой разумеется, невозможно. Поскольку наука устанавливает, например, что мир бесконечен во времени и пространстве, она противоречит религиозному догмату о сотворении и конечности мира. Поскольку наука доказывает, что человек возник в результате длительного развития живой материи, которая, в свою очередь, возникла из неживой материи, она опять-таки противоречит религиозной доктрине о сотворении человека и всех тварей земных богом. Никакого примирения между наукой и религией быть, конечно, не может. На деле учение о гармонии веры и знания, выдаваемое за философское обоснование независимости науки (и даже философии) от религиозного вероучения, означает подчинение науки религии, разума — религиозной вере.

Неотомистский принцип «гармонии» науки и религии является теоретическим исходным пунктом неотомистской фальсификации современного естествознания. С помощью этой идеи неотомисты пытаются методологически обосновать «физический» идеализм и самым непосредственным образом связать эту идеалистическую концепцию с религиозным миропониманием.

Фома Аквинский исходил из религиозного представления о том, что мир сотворен и управляет сверхъестественным разумом. Поэтому он проповедовал телеологическое учение, согласно которому в мире повсеместно господствуют целесообразные отношения, свидетельствующие о божественном предустановлении, благости, мудрости.

Пытаясь идеалистически истолковать целесообразность в живой природе, неотомисты обращаются уже не к Фоме Аквинскому, а к современным биологам-идеалистам, противникам дарвинизма — виталистам, вейсманистам и т. д. Относительно целесообразности в мертвой природе, признания которой требует учение «святого» Фомы, неотомисты утверждают: само существование законов природы свидетельствует о том, что и в неорганическом мире имеется определенный «порядок», якобы предполагающий наличие божественного предустановления.

В своем выступлении перед членами папской Академии наук в Ватикане в октябре 1951 года Пий XII, ссылаясь на достижения современного естествознания, утверждал, что материя-де «превращается в энергию», атомы разрушаются и «кажущейся неизменности» мира приходит конец. Пий XII говорил об излучении, непрерывном рассеивании материи, непрерывном уменьшении ее концентрации. Во всем этом он видел приближение предсказываемого христианским вероучением конца мира.

Пий XII указывал, в частности, на установленный астрономией факт разрушения небесных тел и образования значительных масс так называемой космической пыли. Это, утверждал Пий XII, есть не что иное, как исчезновение материи. Между тем известно, что путем конденсации космической пыли образуются новые небесные тела. Некоторые необычно яркие звезды существуют, как это явствует из новейших астрономических исследований, не более нескольких десятков миллионов лет, то есть являются сравнительно «молодыми» образованиями.

Глава Ватикана явным образом извращал данные современного естествознания и основанное на них научное представление о сущности процесса движения, развития. Действительное развитие заключается в отмирании, разрушении старого и в нарождении, возникновении нового. Радиоактивность, распад атомного ядра, излучение и тому подобные процессы никоим образом не являются уничтожением материи, а представляют собой ее превращение из одной формы движения в другие.

Пытаясь путем идеалистического извращения естествознания обосновать фидеистский принцип «гармонии» разума и веры, неотомизм выступает под флагом рационализма и чуть ли не в «защиту» разума. Неотомисты постоянно ука-

зывают на свою враждебность широко распространенному в современной буржуазной философии иррационализму с его представлением о мире, как о воплощении слепых, противоразумных, непознаваемых сил. Эта показная борьба против иррационализма необходима неотомистам для «доказательства» рационального характера религиозного взгляда на мир.

Интеллигентское облачение неотомизма оказывает определенное влияние на буржуазных ученых. Как пишет французский марксист Р. Гароди, неотомизм «еще служит убежищем для людей науки, отворачивающихся от крикливого иррационализма некоторых модных философов. Томизм сохраняет в известной мере формы рационализма. И Ватикан пользуется им для удовлетворения требований тех интеллигентов, которые не желают «выбросить за борт разум»¹.

Иррационализм, конечно, плохо согласуется с ортодоксальным религиозным представлением о Есевидящем, вездесущем существе, с идеальной религиозной концепцией всеблагого провидения. Некоторые иррационалисты, например М. Хайдеггер, объявляют себя даже атеистами, хотя и допускают существование сверхприродной, потусторонней сущности вещей. Выступая против иррационализма, неотомизм стремится использовать для своей выгоды противоречие между научными воззрениями на мир и познание и различными иррационалистическими учениями, принижающими науку и разум. Однако расхождения между неотомизмом и иррационализмом носят не программный, а тактический характер: оба эти направления проповедуют антиинтеллигентализм. Разница лишь в том, что иррационалисты ставят над разумом инстинкт, волю, а неотомисты — откровение, религиозную веру.

Неотомизм не имеет ничего общего с научным убеждением в могуществе человеческого разума. Он лишь выступает против «крайностей» иррационализма, проповедуя соединение рационального с иррациональным, логического с алогическим, науки с религией.

Неотомистский псевдорационализм пытается выдать подчинение разума вере за подлинное освобождение и возвышение разума. Противопоставляя божественный разум якобы фатально ограниченному разуму человека, неотомисты выступают против тех деятелей науки, в особенности марксистов, которые решительно отвергают союз науки с религией. Теологический «рационализм», проповедуемый неотомистами, является трусливой, лицемерной попыткой прикрыть враждебность религии науке.

¹ Р. Гароди. Вопросы марксистско-ленинской теории познания, стр. 13—14. Изд-во иностранной литературы, 1955.

Социологические и социально-политические концепции неотомизма представляют апологию капиталистического строя, прикрывающуюся лицемерной «критикой» капитализма и буржуазной демократии. Теоретически обосновывая традиционный религиозный взгляд на общество, согласно которому все социальные институты служат осуществлению высшей божественной цели, неотомизм проповедует широко распространенную в буржуазной социологии «органическую» концепцию.

По этой «теории» общество представляет собой определенный организм, в котором, как и во всяком живом организме, все части и органы взаимодействуют друг с другом, благодаря чему обеспечивается относительная автономия каждой части, координация, субординация и иерархия в целом. С этой точки зрения, наемный труд и капитал, рабочие и капиталисты составляют функциональное «органическое» деление общества, обеспечивающее жизнедеятельность общественного организма. Противоречия между пролетариатом и буржуазией свидетельствуют, по мнению неотомистов, лишь о том, что отношения между этими классами должны быть улучшены, усовершенствованы, очищены от «злоупотреблений», свекорыстыя, эгоизма и т. д. Все зло в истории человечества, заявляют они, проистекает лишь из того, что природа человека имеет животную сторону, отягощена первородным грехом. И никакие социальные преобразования, уверяют неотомисты, не могут изменить этой греховной, животной стороны человеческой жизни; только в потусторонней загробной жизни можно всецело избавиться от зла.

Неотомисты объявляют величайшей ошибкой учение о том, что борьба между классами является объективной необходимостью, обусловленной непримиримостью противоречий между эксплуатирующими и эксплуатируемыми. Они утверждают, что капиталисты и рабочие абсолютно необходимы друг другу. «Способствовать созданию гармонии между трудом и капиталом, развивать сознание общих проблем и нужд» — в этом, по мнению американского неогомиста Кронина, важнейшая задача социологии и политики. Так, проводя аналогию между обществом и биологическим организмом, неотомисты пытаются подкрепить обветшалую идею о «гармонии» труда и капитала.

Апология капитализма у неотомистских социологов неразрывно связана с оправданием частной собственности, которую они объявляют необходимым проявлением человеческой индивидуальности. Само собой разумеется, что неотомистская социология, как это свойственно буржуазной идеологии, отождествляет собственность с частной собственностью, а в общественной собственности усматривает отрижение всякой собственности вообще.

Сладкоголосые католические проповедники выискивают божественный смысл во всех бедствиях, постигающих угнетенных и эксплуатируемых. Ведь все, что существует, заявляют они, установлено богом, и, следовательно, служит для осуществления высшей божественной цели. Как заявлял Пий XII, противоположность между бедностью и богатством установлена богом «для лучшего испытания человеческих достоинств», т. е. очевидно, для того, чтобы бедные не завидовали богатым, а богатые заботились о бедных в порядке филантропии.

Что же рекомендуют неотомисты для уничтожения присущих капитализму пороков? Прежде всего католическую веру. Только эта вера, утверждает неотомистская социология, может привести к идеальному общественному устройству, при котором люди смогут жить в мире и счастье.

Было бы, однако, неправильно полагать, будто бы неотомистская социология ограничивается прямым, открытым восхвалением капитализма. В этом случае она давно бы уже потеряла какое бы то ни было влияние на массы. Не удивительно поэтому, что и неотомисты, отстаивая экономическую основу капитализма, становятся в позу «критиков» буржуазного общества, «противников» свойственных ему «злоупотреблений», требуют «разумного экономического законодательства», повышения ответственности капиталистов, внедрения принципов «христианской справедливости» в отношения между буржуазией и пролетариатом и т. д.

Таким образом, не только в философии, но и в социологии неотомизм выступает как довольно гибкая система взглядов, рассчитанная на обработку широких масс. Например, неотомисты упрекают капиталистов в том, что они в «чрезмерном» количестве производят предметы роскоши и в недостаточном количестве «полезные вещи». Ж. Маритэн демагогически «обвиняет» буржуа в отсутствии у них христианского бескорыстия и веры в божественное проповедование, управляющее судьбами истории; он журил капитализм за то, что он заменяет мудрость наукой, а искусство — техникой. Само собой разумеется, что под мудростью здесь понимается религия, а под искусством — средневековое ремесло. Угрожая власть имущим перспективой пролетарской революции, этот неотомистский лидер призывает капиталистов «заботиться» о рабочих, относиться к ним не как к рабам, а как к «братьям во Христе».

Призываая к «разумному законодательству», основанному на принципах «христианского милосердия», неотомизм вместе с тем предупреждает рабочий класс, чтобы он не надеялся на многое: человечество должно безропотно нести свое бремя, ибо устраниТЬ из мира социальное неравенство невозможно. Ведь, как известно из рассказов евангелистов, мифи-

ческий апостол Павел возвратил беглого раба хозяину. Это значит, что рабочие должны смиренно нести свой крест.

Неотомисты уверяют, что они не являются сторонниками капитализма. Вместе с тем они решительно заявляют о своей враждебности коммунизму. Объявляя себя противниками и той и другой «крайности», неотомисты провозглашают единственно верным «средний путь», якобы указываемый христианским вероучением. Для этого «среднего пути» характерно возрождение некоторых черт средневекового общественного устройства, в частности цеховой организации производства, децентрализации власти и безусловно неограниченной духовной диктатуры церкви с ее экономической основой — церковной собственностью.

Центральным пунктом в этой реакционной утопии относительно возможности возрождения средневековых общественных порядков является положение о необходимости всемерного привлечения церкви к управлению государством. В средние века католическая церковь в известной мере располагала политической властью. Именно это обстоятельство, по мнению неотомистов, «смягчало» противоречия между различными группами населения, обеспечивало устойчивость феодальных порядков. И неотомисты пытаются доказать, что привлечение церкви к управлению государством способно предотвратить гибель капиталистической системы.

Само собой разумеется, что неотомистский лозунг «ни капитализм, ни коммунизм» ничем не угрожает капиталистам. Неотомистские разглагольствования о том, что богатства капиталистов должны стать «орудием любви», прикрывают не что иное, как новейшую разновидность апологии капиталистического строя, ибо то, что неотомисты называют «средним путем», представляет собой лишь размалеванный идеализируемый капитализм.

Вся эта елейная ханжеская болтовня о «среднем пути» направлена лишь на то, чтобы внушить трудящимся бессмысленные надежды на возможность «усовершенствования» капиталистической системы. Это, конечно, реакционная утопия, ибо никакого среднего пути между капитализмом и социализмом нет и быть не может. Однако сия реакционная утопия привлекает мелкобуржуазные элементы, которые действительно колеблются между капитализмом и социализмом, между рабочим классом и буржуазией. Именно поэтому реакционная утопия «среднего пути», впервые провозглашенная как социальная доктрина католицизма, в настоящее время стала общепринятым учением различных течений буржуазной социологии.

Таковы основные черты неотомистской философии.

Возрождая средневековые идеи, наполняя их буржуазным содержанием, неотомизм искусно приспосабливается к изме-

няющимся условиям, активно реагирует на новые вопросы, выдвигаемые общественно-политическим развитием, учитывая ненависть масс к капитализму.

Однако весь ход общественного развития неизменно разоблачает неотомизм, как реакционную философскую теорию, непримиримо враждебную делу социального освобождения трудящихся.

ПСЕВДОНАУЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Современная эпоха является эпохой величайших научных достижений. Атомистическая гипотеза превратилась в экспериментально доказанную научную теорию, развитие которой привело к открытию внутренней структуры атома, взаимопревращаемости химических элементов, к обнаружению энергии атомного ядра, которая значительно превосходит энергию макроскопических тел. Квантовая механика, теория относительности, кибернетика, первые практические попытки промышленного использования ядерной энергии, выдающиеся успехи органической химии, биохимии, астрофизики и всех других наук о природе, советские спутники, лунники и космические ракеты не только опрокинули догматические представления об абсолютных границах познания, но и подтвердили диалектический характер процессов, совершающихся в природе. Все эти достижения естествознания и техники наглядно говорят о том, что нет и не может быть пределов практическому господству человека над природой, овладению стихийными природными силами.

Естествознание приносит все новые и новые подтверждения марксистскому положению о том, что общественное производство благодаря своему всестороннему развитию способно удовлетворить потребности всех членов общества вопреки утверждениям мальтизианцев и неомальтизианцев, социальных дарвинистов и прочих буржуазных идеологов.

Однако все эти важнейшие философские и социологические выводы, вытекающие из достижений современной науки, неизбежно вступают в конфликт с господствующими в буржуазном обществе религиозными, идеалистическими, метафизическими представлениями. Само собой разумеется, что буржуазные ученые не свободны от этих реакционных философских представлений, которые внушаются им всей окружающей их обстановкой. На этой почве и возникают реакционные попытки примирить современное естествознание с традиционными идеалистическими и религиозными воззрениями. Такого рода попытки предпринимаются не только буржуазными теологами и философами, но и некоторыми

естествоиспытателями, находящимися под влиянием реакционной идеологии.

В. И. Ленин еще 50 лет назад подверг уничтожающей критике так называемый «физический» идеализм, который проповедовали австрийский физик Э. Мах, французский математик А. Пуанкаре, немецкий химик В. Освальд и другие. Ленин показал, что «физический» идеализм, выдававшийся за последнее слово естествознания, на деле лишь повторял старые идеалистические и агностические положения, давно опровергнутые материалистической философией и естествознанием.

«Физический» идеализм паразитирует на реальных трудностях и противоречиях развития науки о природе, извращает действительный смысл научных открытий. То обстоятельство, что эти псевдонаучные концепции «физического» идеализма зачастую создаются и проповедуются видными естествоиспытателями, говорит лишь о том, насколько серьезным является тлетьорное влияние буржуазной философии на ученых. Это обстоятельство говорит также и о том, что развитие естествознания поставило такие важные теоретические вопросы, которые не могут быть разрешены без философии.

Имея в виду буржуазного естествоиспытателя, Ленин говорил: «Если бы этот физик познакомился с *диалектическим* материализмом, его суждение об ошибке, противоположной старому метафизическому материализму, стало бы, может быть, исходным пунктом правильной философии. Но вся обстановка, в которой живут эти люди, отталкивает их от Маркса и Энгельса, бросает в объятия пошлой казенной философии»¹.

Уже в то время, когда Ленин опубликовал свой «Материализм и эмпириокритицизм», *псевдонаучность* становилась типичной чертой буржуазной философии. Сейчас по существу *все* философские буржуазные теории в той или иной мере рассматривают себя как соответствующий вывод из современной науки; даже иррационализм нередко обосновывает свою враждебность науке ссылками на признания тех естествоиспытателей-идеалистов, которые отрицают объективное содержание научных теорий.

Характерной особенностью современного псевдонаучного философствования является реакционное стремление примирить рациональное и иррациональное, то есть соединить научество с антинаучностью.

Буржуазные философы и попавшие под их влияние естествоиспытатели всячески ограничивают компетенцию науки для того, чтобы оставить место религиозной вере, мистической фантастике и т. д.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 250.

Примером такого рода фальсификации науки могут быть положения, выдвинутые известным американским естествоиспытателем Конантом. В своих популярных лекциях для широкой публики, интересующейся достижениями наук о природе, он утверждает, что наука ничего не говорит о внешнем мире; она-де лишь описывает человеческий опыт, переживания. «Мы не можем больше утверждать: мир является таким или иным. Мы можем только сказать: наш опыт в настоящее время лучше представлен данной картиной мира»¹.

Согласно этой типично махистской точке зрения, наука представляет собой «линию поведения ученых, экономное и успешное руководство для действия». Но существует ли объективный мир, в каком отношении находится к нему наука? На этот вопрос, по Конанту, наука не дает ответа, это-де выходит за пределы ее компетенции. И Конант присоединяется к одному из современных откровенных представителей мистицизма и теологии, который утверждает, будто бы «более глубокое изучение сущности вселенной раскрыло новые горизонты и возможности для отстаивания убеждения в существовании бога»².

Таким образом, псевдонаучность как одна из основных черт современной буржуазной философии является выражением глубокого кризиса буржуазного сознания, противоречия между современной наукой и идеализмом. Это противоречие может быть разрешено лишь путем перехода от идеализма к диалектическому материализму. Но реакционные буржуазные философы, являясь апологетами капитализма, остаются непримиримыми врагами диалектического материализма. Под флагом научности они ведут войну против науки, против марксистско-ленинской философии.

Выдающиеся открытия современной науки неуклонно опровергают утверждения идеалистов и церковников. Не удивительно поэтому, что с каждым новым научным открытием реакционные буржуазные философы предпринимают новые попытки идеалистического истолкования, извращения научных данных. Наглядным примером этого служит использование достижений кибернетики.

Кибернетика сделала возможным создание машин, выполняющих определенные функции человеческого мозга. Счетно-решающие устройства в короткое время выполняют задачи, для разрешения которых отдельному математику или даже группе математиков понадобилось бы неизмеримо больше времени. Само собой разумеется, эти машины решают не любые задачи, а лишь те, для решения которых они устроены. Машина, говорил по этому поводу А. Эйнштейн, может решить все намеченные для нее задачи, но она никогда не

¹ L. Conant. *Modern Science and Modern Man*, p. 52. New-York. 1953.

² Ibid, p. 93.

придумает ни одной задачи. Выдающиеся достижения кибернетики наглядно говорят об объективности науки, о могуществе человеческого разума, который смог с помощью определенных технических средств, в известной мере, воспроизвести свою собственную деятельность и тем самым решительно усилить свою способность познания. Между тем идеалисты, истолкователи теории и практики кибернетики утверждают, что существование «мыслящих» машин свидетельствует о том, что никакого мышления как психической функции человеческого мозга не существует. Так, американский ученый Д. Кемени пишет, что «не существует убедительных доказательств в пользу качественного различия между машиной и человеком». Отождествляя человеческий мозг с машиной, современные буржуазные философы ссылаются на науку и ее достижения. Однако их цель — отнюдь не научное исследование природы мышления. Одни из них с помощью такого отождествления пытаются доказать, что мышление не отражает объективной действительности; другие же заявляют, что если человеческий мозг есть машина, значит существует ее творец, то есть бог.

В. И. Ленин указывал, что реакционные пополнования в науке возникают в ходе прогресса научного познания, который совершается при капитализме в условиях господства религиозного и идеалистического мировоззрения. Яркой иллюстрацией этого ленинского положения являются, например, идеалистические извращения, связанные с созданием неевклидовых геометрий, развитием теории относительности и квантовой механики.

Как известно, разработанная гениальным русским математиком Лобачевским новая геометрия (получившая название неевклидовой) в отличие от геометрии Эвклида исходит из допущения, согласно которому к данной прямой из данной точки может быть проведено бесконечное количество параллельных линий. В геометрии Лобачевского сумма углов треугольника равна не 180° , как у Эвклида, а меньше 180° . Это не значит, разъяснял Лобачевский, что геометрия Эвклида ошибочна: она правильна для сравнительно небольших расстояний, имеющихся на Земле, в безмерных же космических пространствах правильной является неевклидова геометрия. Таким образом, неевклидова геометрия показала относительность научной истины, то есть ее связь с определенными объективными условиями. Буржуазные же философы стали истолковывать открытие неевклидовой геометрии как свидетельство субъективности, условности человеческих знаний, отсутствия в них объективного содержания, объективной истины.

Такому же идеалистическому извращению подверглась и теория относительности Эйнштейна, из которой идеалисты

стали делать выводы о субъективности времени и пространства. В действительности эта теория раскрыла зависимость качественной характеристики времени и пространства от материи, ее структуры. В отличие от классической механики теория относительности утверждает, что масса тела находится в зависимости от скорости его движения. Последнее обнаруживается, правда, при больших скоростях, приближающихся к скорости света.

Из этого диалектического положения, отвергающего метафизическое представление об абсолютной неизменности массы, философы-идеалисты сделали вывод, что материя может уничтожаться, превращаться в энергию и т. д. Этот вывод противоречит закону сохранения и превращения энергии. Философская же несостоительность этого положения заключается в том, что масса отождествляется с материей. Между тем материя есть объективная реальность, существующая вне и независимо от сознания, масса же — одно из ее необходимых проявлений. Материя не обязательно существует в виде вещества; электромагнитные волны, например, являются нене вещественной формой бытия материи.

Успехи современной науки всячески извращаются в духе идеализма и агностицизма современными буржуазными философами, которые не могут примириться с материалистическими и диалектическими выводами, вытекающими из этих открытий. Трудности, с которыми сталкивается современное естествознание, противоречия в развитии познания природы, заблуждения, неизбежная неполнота естественнонаучных данных, обнаружение новых, ранее неизвестных явлений, ставящих под сомнение некоторые общепризнанные теоретические выводы, — все это используется реакционными философами для подкрепления их идеалистических учений.

На этой почве и возникают философские теории, утверждающие, что ни одна математическая или физическая теория не отражает объективной реальности; все они, согласно этой точке зрения, должны рассматриваться как субъективные, условные, имеющие своей целью не согласование человеческих представлений с реально существующими объектами, а согласование их друг с другом.

Выдающиеся успехи современного естествознания были в значительной мере достигнуты за счет развития математики и всемерного ее применения в области физики и других наук. В. И. Ленин указывал, что математизация физики используется идеалистами для того, чтобы изгнать из науки понятие материи, физического тела, заменив эти понятия символами, математическими уравнениями. «Понятно, что если какое-нибудь тело взять за единицу, то движение (механическое) всех прочих тел можно выразить простым отношением ускорения. Но ведь «тела» (т. е. материя) от этого

вовсе еще не исчезают, не перестают существовать независимо от нашего сознания. Когда весь мир сведут к движению электронов, из всех уравнений можно будет удалить электрон именно потому, что он везде будет подразумеваться, и соотношение групп или агрегатов электронов сведется к взаимному ускорению их, — если бы формы движения были так же просты, как в механике»¹.

Революция в физике поставила на повестку дня необходимость пересмотра основных физических понятий. Некоторые из старых понятий, как, например, понятие эфира, были заменены новыми. Серьезному пересмотру подвергались и такие, казалось бы, прочно установленные понятия, как время, пространство и, в частности, понятие одновременности. Необходимость теоретического анализа и обоснования основных, исходных понятий обнаружилась и в математике, которая в XIX веке представлялась наукой, принципиально исключающей возможность каких бы то ни было противоречий и неясностей. Возникла математическая (или символическая) логика, как теория математического доказательства, имеющая большое значение и за пределами математики — в области общей, формальной логики. Развитие формальной логики привело к созданию новых разделов логической науки; одним из наиболее важных таких разделов является семантика — общее учение о знаках. Современная логика исследует различные системы знаков: таковыми являются, с точки зрения логики, как естественные знаки, так и язык алгебры, квантовой логики и т. д. В этом смысле понятие языка имеет в современной логике весьма широкое значение: языком называется всякая совокупность элементарных знаков, имеющая определенные правила образования комбинаций знаков (слова, математические формулы и т. п.), а также правила преобразования одних комбинаций знаков в другие. В этой связи возникло научное понятие идеального языка, значение которого особенно очевидно в наши дни, когда с помощью современной техники и новейших логических открытий конструируются логические машины, осуществляющие, в частности, переводы с одного языка на другой.

Логически совершенный язык, указывает один из творцов математической логики Б. Рассел, должен обладать правилами синтаксиса, которые предотвращали бы бессмысленные сочетания слов (вроде такого грамматически правильного предложения, как «Цезарь есть четное число»). В логически совершенном языке символы (знаки) всегда имеют определенный и вместе с тем одинаковый смысл. Логическая теория языка исследует отношение знаков к тому, что они обозначают (это составляет предмет логической семантики) отно-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 275:

шение знаков друг к другу (*логический синтаксис*) и другие проблемы, научное значение которых совершенно бесспорно.

Однако философы-идеалисты используют успехи математической логики, а также трудности, противоречия, заблуждения, которые имели и имеют место в процессе ее развития, для реакционных философских выводов. Извращая достижения математической логики, идеалисты провозгласили, что логико-математические положения независимы от опыта и основаны на условных допущениях. Совершенно очевидно, что эти идеалистические выводы не заключали в себе ничего нового. Новыми были лишь ссылки на современную науку.

Подобно тому, как в физике конца XIX века под влиянием буржуазной идеалистической философии возник «физический» идеализм, так и в логической науке под влиянием господствующей идеалистической и агностической философии возник логический позитивизм, или *неопозитивизм* — философское течение, родственное в своих основных чертах «физическому» идеализму.

Неопозитивизм представляет собой идеалистически-агностическое истолкование современной логической науки и естествознания вообще.

Позитивизм возник еще в 30—40-х годах XIX века. Он провозглашал необходимость создания позитивной (научной) философии, отвергая все достижения предшествующей, в особенности материалистической, философии. На деле же позитивизм представлял собой философию агностицизма, который объявляет непознаваемым внешний, независимый от человеческого сознания мир и провозглашает единственно научной точкой зрения рассмотрение явлений, как человеческих восприятий, переживаний.

Вторым этапом развития позитивизма была философия Маха и Авенариуса, которую, как известно, разоблачил Ленин в своем произведении «Материализм и эмпириокритицизм». Мах и Авенариус недвусмысленно заявили, что все вещи, которые изучает наука, представляют собой «комплексы ощущений». На этом основании Мах отрицал объективное существование атомов, молекул и всего того, что непосредственно чувственно не воспринимается.

Третим этапом развития позитивистской философии является современный позитивизм, неопозитивизм, возникновение которого относится к 30-м годам XX века. Его основоположниками и главными представителями являются Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Р. Карнап, Г. Райхенбах.

Если ранние представители позитивизма рассматривали коренные философские вопросы как принципиально неразрешимые, вследствие ограниченности познавательных способностей человека, то неопозитивисты вообще отрицают само существование этих проблем и в категорической форме заяв-

ляют, что это мнимые вопросы, псевдопроблемы. Они возникают, по словам неопозитивистов, вследствие несовершенства человеческого языка. Неопозитивисты ставят своей задачей «очищение» языка науки от псевдопроблем и псевдопонятий (к последним, между прочим, неопозитивисты относят материю, сознание и т. п.). Вот как определяет задачи философии Витгенштейн:

«Цель философии — логическое проявление мыслей.

Философия не теория, а деятельность».

Философская работа состоит по существу из разъяснений.

Результат философии — не некоторое количество «философских предложений», но прояснение предложений.

Философия должна прояснить и строго разграничивать мысли, которые без этого проявляются как бы темными и расплывчатыми»¹.

Не приходится, конечно, отрицать, что в истории науки и философии существовали и существуют псевдопроблемы. Так, поставленная идеализмом «проблема» начала мира во времени и пространстве, «проблема» сотворения вселенной является типичной псевдопроблемой. Но разве можно просто отбросить этот вопрос, как будто бы его не существует? Конечно, нет! Материалистическая философия на всем протяжении своего развития доказывала, что мир не имеет начала ни во времени, ни в пространстве, а следовательно, и не был сотворен. Современное естествознание, вскрывшее неразрывную связь времени и пространства с движущейся материей, вполне подтверждает это положение диалектического материализма.

Следует далее отметить, что характерное для неопозитивизма абсолютное противопоставление псевдонаучных и научных проблем и понятий носит ярко выраженный метафизический характер; оно столь же несостоительно, как и абсолютное противопоставление знания и незнания, истины и заблуждения. История познания свидетельствует о том, что многие неправильно поставленные вопросы, а также понятия, которые впоследствии были отвергнуты, заключали в себе плодотворные догадки, рациональное зерно и поэтому имели известное прогрессивное значение для своего времени. Без алхимии не было бы и химии. Такие понятия, как флогистон, эфир, так же как и связанные с ними проблемы, в настоящее время не являются научными. Однако не приходится сомневаться в том, что в свое время они являлись неизбежной ступенью познания, а не просто заблуждением. Очевидно также и то, что в одних исторических условиях некоторые проблемы выступают как ненаучные, а в других благодаря

¹ Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат, стр. 50. Изд-во иностранной литературы. 1958.

прогрессу познания они приобретают научную форму. Знаменитая машина Лулия представляет собой неудачную попытку разрешить ту проблему, которой ныне занимается кибернетика. Было время, когда понятие летающего аппарата тяжелее воздуха представлялось бессмыслицей. Не приходится доказывать, что тут не было псевдопроблемы.

Неопозитивисты отворачиваются от так называемых псевдопроблем, не желая видеть того, что в эту якобы не требующую исследования область они включают и те научные проблемы, смысл которых они не поняли в силу своих субъективно-идеалистических и агностических установок. Неопозитивисты утверждают, что они обладают безусловным критерием для того, чтобы отличать псевдопроблемы от научных проблем. То, что не может быть проверено, говорят они, следует считать «метафизической», лишенной смысла, мнимой проблемой. Но известно, что проверка того или иного утверждения может быть осуществлена далеко не всегда. Тем не менее утверждение Демокрита о том, что тела состоят из атомов, не было бессмысленным и 2500 лет назад, несмотря на то, что проверить это положение экспериментально удалось лишь в XX веке.

Неопозитивисты называют «метафизикой» (или совокупностью псевдопонятий и псевдопроблем) материалистическую философию, в особенности материалистическое признание объективной реальности и зависимости сознания от нее. Это основное положение материализма они объявляют принципиально недоступным проверке (верификации). Совершенно очевидно, что неопозитивисты по существу игнорируют общественную практику в ее историческом развитии, которое, несомненно, доказывает существование внешнего мира. Отсюда ясно, как надо понимать то определение задач и предмета философии, которое дает Витгенштейн. Это значит, что философский анализ суждений науки принципиально исключает их соотношение с объективной реальностью, то есть рассмотрение этих суждений как отражения объектов, существующих независимо от науки. Такая постановка вопроса совершенно очевидно приводит к субъективно-идеалистическому пониманию процесса познания и предмета философии вообще. Предметом познания, с этой точки зрения, являются лишь чувственные восприятия и мысли человека.

Неопозитивистская философия утверждает, что существуют два типа научных суждений: а) эмпирические суждения; б) логико-математические. Эмпирические суждения относятся к чувственно данным фактам, то, о чем они говорят, мы наблюдаем или имеем возможность наблюдать с помощью органов чувств и инструментов. Такие суждения поддаются проверке, а потому относительно любого из них

можно сказать, истинное оно или ложное. Но как же прове-ряются эмпирические суждения, если их соотношение с объективной реальностью абсолютно исключается? Само собой разумеется, что, поставив перед собой задачу установить истинность эмпирического суждения без соотнесения его с объектом, неопозитивисты, по сути дела, изобрели псевдо-проблему. Этим-то и объясняются многочисленные бесплодные споры относительно принципа верификации, которые вот уже четверть века идут в среде неопозитивистов.

Некоторые неопозитивисты утверждают, что суждения следует соотносить с чувственными восприятиями и соответственно этому определять, истинные они или ложные. Но чувственные восприятия сами требуют определенной оценки, анализа, проверки. Если принимать чувственные данные безоговорочно, то в таком случае невозможно отделить кажущееся от действительного, субъективное от объективного, существенное от несущественного. Многие неопозитивисты отвергают поэтому различие видимости и сущности, субъективного и объективного, фантазии и реальности. Ясно, что это не может привести к удовлетворительному решению вопроса об истинности или ложности суждений.

Некоторые неопозитивисты считали, что истинность или ложность эмпирических суждений может быть установлена путем сведения их к простейшим суждениям, которые Карнап называл «протокольными предложениями». Но и это понятие было несостоятельным, так как оказалось в сущности, невозможным принципиально разграничить элементарные (протокольные) предложения от более сложных, которые стали называть «молекулярными». С другой стороны, и эти элементарные предложения требуют критерия своей истинности: они не самоочевидны.

Неопозитиристское требование проверяемости предложений, высказываний само по себе, конечно, не заключает в себе ничего идеалистического. Но все дело в том, что неопозитивисты идеалистически и метафизически решают вопрос о проверке суждений. Идеализм заключается в отбрасывании объективной реальности, а следовательно, и практики, которая невозможна без взаимодействия с внешним миром. Метафизичность заключается в том, что сама проверка понимается преимущественно как непосредственная, без учета исторического развития.

Вначале неопозитивисты считали лишенным смысла всякое предложение, которое не может быть проверено сейчас же с помощью тех данных, которыми располагает ученый. Но такая постановка вопроса явно приводила к нелепым выводам, например, к утверждению, что предложение «у Луны имеется обратная сторона» (Луна всегда обращена к Земле

одной стороной) является бессмысленным, так как его-де нельзя проверить¹.

Убедившись в несостоительности требования непосредственной проверки предложений, неопозитивисты стали проводить различие между технической и принципиальной проверяемостью суждений. Однако и тут обнаружилось, что невозможно заранее определить, какие суждения принципиально недоступны проверке, невозможно даже утверждать, что такие суждения вообще имеются. Нельзя также заранее указать условия любой возможной проверки любого возможного предложения. Единственно, что можно сказать заранее о всяком возможном суждении, это то, что для проверки надо сопоставить его с объективной реальностью, а это сопоставление и, соответственно, проверка суждения осуществляются через практику. Но именно это и отрицает неопозитивизм.

В конечном итоге, значительная часть неопозитивистов фактически отказалась от требования обязательной проверки предложений и пришла к выводу, что критерием истинности суждения является его согласованность с другими суждениями, с системой имеющихся понятий и предложений. Этот переход от «фактического критерия» даже в том ограниченном смысле, в каком он допускался неопозитивистами, к «контекстуальному критерию» означает новый шаг на пути в субъективно-идеалистическую трячину. С этой точки зрения электрон может быть волной или корпускулой, а вирусы — живыми организмами или химическими веществами в зависимости от теории, способа описания, которые применяются ученым. Все объявляется, следовательно, условным.

Только диалектический материализм, поскольку он рассматривает суждения (и мышление вообще) как отображение объективной реальности, указывает на действительно научный объективный критерий истины — общественную практику, формы которой столь же многообразны, как и формы познания. С позиций неопозитивизма проблема критерия истины принципиально неразрешима.

Рассмотрим далее концепции неопозитивистов о логико-математических *предложениях*. В этой области неопозитивисты отказываются от традиционной эмпирической теории, согласно которой положения математики и логики, в конечном счете, коренятся в опыте, в чувственных восприятиях. Диалектический материализм доказывает, что положения математики и логические формы мысли представляют собой наиболее отвлеченные, исторически сложившиеся в ходе практической деятельности и познания, формы отражения действительности. Пытаясь опровергнуть это положение, нео-

¹ Как известно, советские ученые с помощью космической ракеты сфотографировали обратную сторону Луны. Этот научный подвиг наглядно говорит о беспредельных возможностях проверки положений науки.

позитивизм вырывает пропасть между эмпирическими и теоретическими суждениями, между опытом и теорией вообще.

Если эмпирические суждения еще имели некоторое отношение к существенно воспринимаемой реальности, то предмет логической или математической теории (да и всякого учения, положения которого формулируются как общие и необходимые), по существу нереален. То обстоятельство, что математика и логика применяются к эмпирической деятельности, объявляется неопозитивистами чем-то случайным, не вытекающим из содержания этих наук. Существует-де лишь логическая необходимость, и, соответственно этому понятие закона имеет значение лишь в рамках логики и математики. Научная картина мира представляет собой не что иное, как логическое построение, осуществляемое учеными по договоренности друг с другом (конвенциализм).

Неопозитивистское истолкование логического и математического превращает предмет современной физики, исследующей зачастую непосредственно ненаблюдаемые процессы, в нечто условное. Коль скоро некоторые основные понятия квантовой механики и теории относительности не могут быть наглядно выражены (например, в форме определенной механической модели), это рассматривается как свидетельство того, что микромир обладает меньшей реальностью, чем макромир.

Такого рода характеристика явлений как более или менее реальных непосредственно вытекает из субъективно-идеалистического понимания реальности как определенного описания, сделанного ученым с помощью букв и других знаков. Из понятия реальности выхолащивается объективный смысл и содержание; остается только представление, созданное ученым, которое может быть более или менее верным, убедительным, и только. Выходит, следовательно, что степени реальности отождествляются со степенями вероятности.

В то время как современная физика глубже познает объективную реальность, чем предшествующие физические теории, неопозитивисты доказывают, что ее понятия дальше отстоят от реальности, чем наглядные представления классической механики. Так, наглядно обнаруживается, насколько несостоятельно неопозитивистское понимание науки.

Неопозитивисты отрицают необходимость научных положений, имеющих всеобщее значение. Всякая всеобщность представляет собой, по их мнению, лишь результат соглашения (конвенции) между учеными, которые-де принимают определенные логические допущения и вытекающие из них общие выводы. С этой точки зрения законы природы с присущей им всеобщностью и необходимостью — это всего лишь логические выводы из предпосылок, с которыми согласны все ученыe. Эти предпосылки, по мнению неопозитивистов, изби-

раются произвольно, устанавливаются примерно так же, как правила игры в шахматы. К этому и сводится конвенционалистское понимание логического и математического. Выходит, следовательно, что материя, время, пространство и все категории научного мышления вообще имеют лишь то содержание, которое в них вкладывается учеными (по соглашению друг с другом), а для решения научных вопросов необходимо лишь договориться о содержании употребляемых понятий, о правилах их применения и т. д. Поскольку по учению неопозитивизма логические, математические положения принципиально невозможны сопоставлять с «фактами», с чувственными восприятиями, то о них вообще нельзя сказать, истинны они или ложны. О них можно лишь сказать, правильны ли они или неправильны, то есть согласуются с определенными, принятыми нами правилами, условиями, соглашениями, являются ли они правильным выводом из определенных предпосылок.

Итак, неопозитивисты отрывают опыт от объективной реальности, сводят его к одним лишь переживаниям субъекта. Вопрос о существовании внешнего мира, независимо от науки и сознания вообще, неопозитивисты отбрасывают как якобы ненаучный.

Неопозитивизм занимается преимущественно идеалистическим истолкованием естествознания. Однако некоторые неопозитивисты пытаются применить свои установки к области общественной жизни. Так, известный неопозитивист К. Поппер посвятил специальное исследование доказательству положения о том, что история как наука принципиально невозможна. Прежде всего Поппер утверждает, что к обществу неприменимо понятие движения (а следовательно, также изменения, развития), поскольку всякое движение означает перемещение в пространстве. Ограничиваая движение одним лишь механическим перемещением, умалчивая о существовании других, более сложных форм движения, Поппер заявляет: «Идея развития самого общества, идея, согласно которой общество как физическое тело может двигаться по определенной траектории и в определенном направлении, является попросту тоталитарной путаницей»¹.

Поппер на слова не говорит о тех реальных изменениях общественной жизни, которые зафиксированы историей, а также произошли в течение последних десятилетий. Он совершенно игнорирует исторический опыт общественного развития, отделяясь схоластическим тезисом, что общество не может перемещаться подобно физическому телу. Столь же несостоятельны и другие аргументы позитивистского критика исторической науки. Так, например, он заявляет, что ис-

¹ K. Popper, *Misère de l'historicism*, p. 115, Paris, 1956.

тория как наука была бы возможна лишь в том случае, если бы можно было предвидеть будущие наши знания, которые, по его мнению, в значительной мере определяют будущее состояние общества. «Мы не можем предвидеть с помощью рационального (или научного) метода будущий рост наших знаний, — пишет Поппер. — Мы не можем, значит, предвидеть будущий ход истории... мы должны отрицать возможность истории как теоретической дисциплины...»¹.

Приведенные положения со всей очевидностью показывают, что неопозитивистский социологический нигилизм основывается на тех же порочных идеалистических и агностических положениях, как и вся философия неопозитивизма. Само собой разумеется, что неопозитивисты не могут опровергнуть факт существования истории как науки, но они делают все возможное, чтобы дискредитировать эту науку. Ясно также и то, что научное предвидение будущего состояния общества вполне возможно там, где изучаются действительные законы его развития. Общеизвестно, что классики марксизма-ленинизма дали гениальные образцы научного предвидения. То, что предвидели они, в значительной мере уже осуществлено в странах социалистического лагеря, а со временем будет полностью претворено в жизнь.

Социологические воззрения неопозитивистов особенно наглядно выявляют реакционную сущность их учения, кото-
рое, так же как и теории экзистенциалистов и неотомистов, является, в конечном счете, утонченной апологией капитализма. То обстоятельство, что неопозитивизм в наибольшей мере распространен в среде буржуазной научной интеллигенции, ни в малейшей мере не меняет его классовой сущности. Исходные положения этой философии, так же как и ее ко-
нечные выводы, почерпнуты из одного реакционного источника — идеологии империалистической буржуазии. Что же ка-
сается специальных научных вопросов, которым неопозити-
висты уделяют значительное внимание, то постановка и ре-
шение этих вопросов с позиции идеализма и агностицизма непосредственно указывают на реакционную буржуазную на-
правленность неопозитивистского истолкования новейших до-
стижений естествознания.

* * *

*

Мы рассмотрели основные черты и главные течения со-
временной буржуазной философии. Какой же вывод вытека-
ет из этого? Прежде всего, тот, что иррационализм, фидеизм и псевдонаучность взаимно дополняют друг друга. То же следует сказать и относительно экзистенциализма, неотомиз-
ма и неопозитивизма: их объединяет общность исходных иде-

¹ K. Popper. *Misère de l'Historicism*, p. X.

алистических положений, отрицание объективной реальности, независимой от сознания, отрицание материального единства мира, истолкование духовного (в форме мышления или же интуиции, инстинкта и т. п.) как первоначального, предшествующего материи. Правда, эти течения современной буржуазной философии обычно полемизируют друг с другом, но в основном, в основном они сходятся между собой: все они проповедуют идеализм, воюют против материализма, в особенности против научной идеологии рабочего класса — диалектико-материалистического мировоззрения; все они отрекаются от передовых философских, социологических и политических идей, которые выдвигались прогрессивными буржуазными идеологами в прошлом, всячески оправдывают капитализм и непримиримо враждебны социалистическому обществу. Это принципиальное единство главных течений современной буржуазной философии проявляется, однако, не только в решении коренных философских вопросов, но и в частных вопросах, так же как и в самой аргументации.

Ярким примером такого рода единства является отношение рассмотренных выше трех главных течений современной буржуазной философии к науке и религии. Экзистенциализм утверждает, что наука не способна постигнуть тайны действительности, а научная картина мира полностью обусловлена методами, применяемыми учеными, условными знаками, символами, терминологией, понятиями, которые якобы не имеют объективного содержания и значения. «Наука, — говорит Ясперс, — ведет лишь к знанию того, на каком основании, в каких границах и в каком смысле может осуществляться познание. Она учит сознательному усвоению мотивов любого знания. Она приводит к такой очевидности, относительность которой, т. е. ее зависимость от предпосылок и методов исследования, является решающим условием¹. Совершенно очевидно, что под такой характеристикой науки может подписаться любой неопозитивист, утверждающий, что теоретические предпосылки, из которых исходит научное исследование, являются условными, принятыми по соглашению между учеными, а научная картина природы отнюдь не является отражением объективной реальности.

Так, например, Б. Рассел, по-видимому, не без иронии, обычно свойственной ему, писал в своих известных «Принципах математики»: «Математика может быть определена как доктрина, в которой мы никогда не знаем ни то, о чём мы говорим, ни то, истинно ли то, что мы говорим»². Это парадоксальное утверждение Б. Рассела логически вытекает из рассмотренной выше неопозитивистской концепции логико-

¹ K. Jaspers. Kechenschaft und Ausblick, S. 212.

² B. Russel, The Principles of Mathematics, p. 3 London, 1937.

математических предложений, согласно которой к этим предложением неприменимы понятия истины и заблуждения, так как они не имеют никакого касательства ни к объективной реальности, ни к человеческому опыту.

Очевидно также и то, что неотомизм вполне присоединяется к экзистенциалистскому и неопозитивистскому пониманию науки как субъективной логической конструкции, лишенной объективной истины. Ведь главное, чего требует фидеизм от науки, — это отказ от претензии на объективную истину. Экзистенциализм и неопозитивизм охотно идут навстречу этому требованию поповщины.

Идеалистическое отрицание объективного содержания и значения науки прямой дорогой ведет к апологии религиозного мировоззрения. «Бог — это абсолютная реальность», — говорит Ясперс. Само собой разумеется, что неотомист не станет возражать против этого теологического утверждения. Правда, неопозитивисты обычно заявляют, что они не признают никакой «сверхчувственной» реальности, к которой они относят прежде всего материальный мир, объективную реальность, но вместе с тем также и бога. Однако здесь неопозитивисты обычно оговариваются. Они подчеркивают, что с точки зрения науки нельзя привести никаких аргументов в доказательство существования бога. Но наука, говорят неопозитивисты, не может также опровергнуть утверждения относительно существования бога и трансцендентного вообще. Область религии, утверждают неопозитивисты, это особая, не имеющая отношения к науке область веры, переживаний, личной жизни и т. д. Следовательно, как заявляет видный английский неопозитивист Г. Прайс, «не может быть спора между наукой и религией»¹. Выходит, следовательно, что неопозитивист вполне присоединяется к неотомистскому разграничению «истин разума» (научных истин) и «истин веры» (религиозных догматов). Правда, неотомист в отличие от неопозитивиста утверждает, что некоторые католические догматы могут быть доказаны наукой, другие же догматы, если и не доказываются разумом, все же могут быть подкреплены логическими аргументами, но это уже второстепенные разногласия.

Неопозитивистский субъективизм и агностицизм содержат в себе значительные элементы иррационализма, а также и все необходимое для религиозной веры в потустороннее, поскольку научные данные рассматриваются как субъективные, условные, не дающие оснований для суждения об объективной реальности. Но именно такое понимание науки как раз и проповедуют иррационализм и неотомизм. Неопозитивизм нисколько не исключает иррационального в самой

¹ «Philosophy», vol. X № 39. p. 314, juli 1935.

действительности. Согласно такому «разделению труда», неопозитивизм является «философией науки», а иррационализм — «философией жизни». И в этом пункте неопозитивисты, экзистенциалисты и неотомисты трогательно единодушны.

Близость друг к другу главных течений современной буржуазной философии становится еще более очевидной, если учесть тот факт, что иррационализм зачастую выдает свои антинаучные воззрения за подлинно научные, неотомизм выступает «против» фидеизма под знаком нового «рационализма», а неопозитивизм утверждает, что основу науки об разуют, по существу, иррациональные данные.

В настоящее время экзистенциализм, неотомизм и неопозитивизм являются наиболее влиятельными буржуазными философскими учениями. Однако вполне возможно, что через некоторое время на их месте окажутся какие-либо другие «измы», а эти учения потеряют свое нынешнее влияние. Но такого рода замена одного «изма» другим не может изменить общего характера, принципиального содержания и основных черт современной буржуазной философии. Поскольку существует загнивающий капитализм, постольку буржуазные философские учения неизбежно будут носить иррационалистический, фидеистический и псевдонаучный характер.

В современную эпоху, когда капиталистической системе противостоит несокрушимый социалистический лагерь, противоположность между материализмом и идеализмом — это, прежде всего, противоположность между прогрессивной научной социалистической идеологией и реакционной лженачальной буржуазной идеологией. Однако и в самих капиталистических странах растут и крепнут могущественные силы, враждебные буржуазному обществу. «Ныне, — говорил Н. С. Хрущев в докладе на XXI съезде КПСС, — вокруг победоносного знамени социализма и коммунизма объединилось около миллиарда людей социалистических стран Европы и Азии, то есть более трети всего человечества. Силы социализма могущественны, они растут с каждым днем. Им принадлежит будущее»¹.

Наиболее передовые общественные силы выступают под идеяным знаменем диалектического и исторического материализма, они привлекают на свою сторону выдающихся представителей науки, которые вместе с рабочим классом и его партией борются за мир, демократию, социализм.

¹ Материалы внеочередного XXI съезда КПСС, стр. 110—111, Гослитиздат, 1959.

ЛИТЕРАТУРА

В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Соч., т. 14.

В. И. Ленин. Философские тетради. Соч., т. 38, стр. 392—400, 407—476.

В. И. Ленин. О значении воинствующего материализма. Соч., т. 33.

Н. С. Хрущев: О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, разделы III и IV.

Основы марксизма-ленинизма. Учебное пособие. Госполитиздат. 1959. Вводное слово. О марксистско-ленинском мировоззрении. Гл. 1, раздел 7. Современная буржуазная философия.

Основы марксистской философии. Госполитиздат. 1959. Гл. XIX. Основные направления современной буржуазной философии и социологии.

Сборник «Против буржуазных и правосоциалистических фальсификаторов марксизма». Изд-во иностранной литературы. 1952.

Сборник «Французские коммунисты в борьбе за прогрессивную идеологию», Изд-во иностранной литературы. 1953.

Сборник «Общественные деятели Англии в борьбе за передовую идеологию». Изд-во иностранной литературы. 1954.

Сборник «Прогрессивные деятели США в борьбе за передовую идеологию». Изд-во иностранной литературы. 1955.

Сборник «Современный субъективный идеализм». Госполитиздат. 1957.

Международный философский конгресс, 12-й. Венеция. 1958. Под ред. М. Б. Митина и М. Э. Омельяновского. Изд-во АН СССР, 1958.

Ян Боднар. О современной философии США. Соцэкгиз. 1959.

Г. Брутян. Что такое семантическая философия и кому она служит. Госполитиздат, 1954.

Б. Быховский. Философия неопрагматизма. «Знание». 1959.

А. Гагарин. Американская буржуазная философия и социология на службе империализма. Госполитиздат, 1953.

Р. Гароди. Марксистский гуманизм. Пять полемических очерков. Изд-во иностранной литературы. 1959.

Б. Кедров. Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и современное естествознание. «Знание». 1959.

И. Кон. Страх перед законами истории. Соцэкгиз. 1958.

М. Корнфорт. Наука против идеализма. Критический анализ «чистого эмпиризма» и современной логики. Изд-во иностранной литературы. 1948.

Г. Курсанов. Гносеология современного прагматизма. Соцэкгиз. 1958.

Янагида Кэндзюро. Философия свободы. Соцэкгиз. 1958.

Ю. Мельвиль. Американский прагматизм. Изд-во Моск. гос. ун-та. 1957.

И. Нарский. Критика семантического идеализма. Изд-во Моск. гос. ун-та. 1956.

Т. Ойзерман. Неотомизм — философия современной реакционной буржуазии. Соцэкгиз. 1959.

М. И. Сидоров. Против философского ревизионизма. Изд-во ВПШ и АОН. 1959.

Г. Уэллс. Прагматизм — философия империализма. Изд-во иностранной литературы. 1955.

ПОПРАВКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
7	2-я сноска	Ih. Lessing	Th. Lessing
10	1-я сноска	Iübingen	Tübingen
31	6 сверху	Освальд	Оствальд
37	8 сверху	проявление	прояснение
37	14 сверху	проявляются	являются
42	Сноска	l'historicism	l'historicisme
43	Сноска	l'historicism	l'historicisme
44	1-я сноска	Kechenschaft	Rechenschaft
46	10 снизу	объединило	объединилось

Бицанов 16 ав 4

60 коп.